

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет
имени Н.Г.Чернышевского

На правах рукописи

Пузырёв Александр Владимирович

АНАГРАММЫ КАК ЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКА
ОПЫТ СИСТЕМНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Специальности 10.02.19 – Общее языкознание,
социолингвистика,
психолингвистика
10.02.01 – Русский язык

Д о к л а д

**по опубликованным работам
на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Саратов, 1995

Работа выполнена на кафедре русского языка и методики его преподавания Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г.Белинского.

Официальные оппоненты

- доктор филологических наук, профессор С.В.Воронин
- доктор филологических наук, профессор В.И.Жельвис
- доктор филологических наук, профессор М.Б.Борисова

Ведущая организация

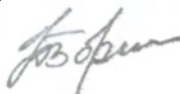
- Институт языкознания Российской Академии наук

Защита состоится " 16 " декабря 1995 г. в " 11 " часов " 00 " минут на заседании диссертационного совета ДО 63.74.02 по присуждению ученой степени доктора и кандидата филологических наук при Саратовском государственном университете имени Н.Г.Чернышевского (410600, Саратов, ул.Радищева, 41).

С монографией можно ознакомиться в научной библиотеке Саратовского государственного университета.

Текст доклада разослан " 9 " ноября 1995 года

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук.
доцент

Ю.Н.Борисов

Проблема изучения анаграмм представляет собой одну из наиболее актуальных проблем лингвистики (J.Starobinski, R.Jakobson, Вяч.Вс.Иванов, В.Н.Топоров, В.С.Баевский, А.Д.Кошелев и мн. др.). Наибольшее распространение изучение анаграмм получило после публикации в 1964 г. записей Ф. де Соссюра об анаграммах – «звукписи, направленной на определенное имя и стремящейся воспроизвести это имя» (Соссюр 1977:642) – и стало, по мнению С.И.Гиндина, одним из главных направлений в исследовании фонетики стиха (С.И.Гиндин 1976:149). В имеющихся анаграмматических исследованиях затрагивается и обсуждается самый широкий круг проблем *общетеоретического* характера, прорабатываются проблемы истории языка, литературы и культуры, содержатся интересные текстологические и лингвистические наблюдения, намечается контрастивное изучение анаграмм (на материале сопоставления исходного и переводного текстов) и т.д.

В то же время языковой статус анаграмм, их место среди языковых средств, в частности, *русского языка* осмыслены все-таки недостаточно. После блестящей и аргументированной критики как у нас, так и за рубежом – в адрес анаграмматических штудий Ф. де Соссюра и его последователей – интерес широкой научной общественности к анаграммам снизился, и изредка появляющиеся работы в этой области подчас воспринимаются как попытки гальванизировать что-то давным-давно вчерашнее. Имеются, однако, основания полагать, что изучение анаграмм является перспективной областью для лингвистических и психолингвистических исследований, что оно сулит получение нетривиальных результатов, и это свидетельствует об *актуальности* избранной темы как для *русистики*, так и для *теории языкознания*.

Многими лингвистами осознается концептуальная разобщенность различных направлений языкознания. Время требует преодолеть их практическое игнорирование друг друга (Ю.Н.Караулов 1987:3; В.Б.Касевич 1988:3 и др), но отсутствие общей методологической базы затрудняет такое преодоление. Потребности лингвистов в методологии заставляют обращаться к идеям зарубежных философов, но это вполне понятное устремление, к сожалению, далеко не всегда сопровождается вниманием к достижениям *отечественной* философской мысли.

Проведенное нами исследование является первой попыткой ввести в лингвистический научный обиход методологию системного осмысления выделенного предмета, предложенную российским философом А.А.Гагаевым (А.А.Гагаев 1985; 1991; 1994). К немаловажным достоинствам этой методологии научного поиска относятся, во-первых, ее универсальность и, соответственно,

приложимость к различным областям знания, а во-вторых – совпадение в ней последовательности этапов исследования и этапов изложения полученных результатов. Применение этой универсальной схемы научного поиска и изложения, как считает и ее автор, нуждается в операционализации (А.А.Гагаев 1991: 173-174), т.е. в переводе на категориальную базу конкретной науки (в нашем случае – лингвистики), что мы и сделали при изучении анаграмм, и в этом тоже видится актуальность настоящего исследования.

Основной *целью* представляемого к защите исследования является изучение анаграмм в свете субстратного подхода к языку и языковым средствам и единицам, или (что одно и то же) представление анаграмм как предмета, развивающегося на собственной основе, или (что тоже одно и то же) системное осмысление анаграмм как языкового явления.

Поставленная цель потребовала решения следующих задач:

1) обоснование и построение лингвистического варианта общенаучной методологии научного поиска и изложения;

2) определение сущности анаграмм как явления языка и разработка в связи с этим логически непротиворечивой сетки лингвистических понятий;

3) систематизация и распределение имеющегося речевого материала в соответствии со всеми аспектами субстратной методологии.

Материалом исследования послужили стихотворная речь русских дореволюционных и советских поэтов (А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, Н.А.Некрасов, В.В.Маяковский, С.А.Есенин, А.Т.Твардовский и др.), художественная проза русских писателей (И.С.Тургенев, Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой, А.П.Чехов, М.А.Шолохов, М.М.Пришвин, А.Н.Толстой и др.), а также около 18 тысяч ответов информантов, полученных в ходе проведенных под руководством автора докладов ассоциативных экспериментов.

Методика исследования. В работе использовалась комплексная методика: ассоциативный эксперимент направленного типа для выявления зависимости выбора слов от предшествующей звуковой организации речи; ассоциативный эксперимент свободного типа для уточнения свойств зоны ассоциативно-звуковых пересечений в языке; сравнительно-сопоставительный анализ стилистически значимых фактов звуковой организации речи; статистическая обработка материала экспериментов и конкретных наблюдений над анафонией в речи; семантико-стилистический анализ художественных текстов.

Научная новизна работы:

– анаграммы и анафония (предельным выражением которой и являются анаграммы) осмыслены как предмет, развивающийся на собственной основе, осмыслены в плане субстратного подхода к языку и языковым средствам;

– обоснована и конкретным материалом проиллюстрирована общелингвистическая методология, позволяющая ученому осмысливать свой предмет во всех его существенных свойствах, связях и отношениях, т.е. представлен лингвистический вариант известного метода восхождения от абстрактного к конкретному;

– в лингвистическое исследование введены как необходимые и относительно самостоятельные (кроме обычных для языковедов уровней языка и речи) уровни мышления и коммуникации;

– обеспечена интеграция и закономерная последовательность переходов в изучении выделенного предмета от одного аспекта к другому (онто- и филогенетический, историко-языковой и историко-литературный, логический, психологический и психофизиологический, психолингвистический, статистический, прагматический, стилистический, идиостилевые аспекты);

– разработана логически непротиворечивая сетка необходимых лингвистических понятий, связанных с обозначением лексической и языковой организации текста, с обеспечением системного осмысления анафонии и анаграмм (как одной из разновидностей анафонии);

– выявлены психофизиологические, психологические, языковые, речевые и коммуникационные предпосылки анафонии;

– на материале русского и татарского языков экспериментально доказано влияние звуковых повторов на опосредованные языком результаты мыслительной деятельности, т.е. получен новый материал по одной из важнейших проблем языкознания – «Язык и мышление»;

– на основе формального изучения звуковой организации художественной прозы классиков русской литературы выявлены ассоциативные доминанты – глубоко содержательные единицы художественного текста;

– выявление статистических закономерностей анафонии в стихотворной речи и художественной прозе позволило говорить о параллелизме смысла и звучания как статистически выраженном законе этих речевых сфер;

– функциональный аспект анафонии проведен через уровни мышления, языка, речи и коммуникации;

– обозначены идиостилевые характеристики анафонии на всех ступенях сущности языка;

– обнаружено криптографически зашифрованное послание М.Горького к потомкам-россиянам.

Теоретическая значимость предпринятого исследования анафонии и анаграмм заключается в том, что в нем реализован субстратный подход, при котором обеспечивается целостность и системная организованность рассмотрения языка и языковых явлений, а выбранный лингвистом предмет исследования выступает как саморазвивающаяся сущность, выступает как предмет, развивающийся на собственной основе. Использование предложенного в работе общелингвистического научного метода - языковедческого варианта общенаучной методологии восхождения от абстрактного к конкретному – позволяет преодолеть концептуальную разобщенность различных лингвистических направлений и обеспечить успешность внутриязыковедческой коммуникации. Анализ текстов по предложенным методикам изучения звуковой организации речи дает принципиальную возможность идентификации произведений, возможность диагностирования интенсивности творческого процесса в момент создания того или иного прозаического произведения.

Практическая значимость предпринятого исследования проявляется в том, что его материалы и результаты могут быть использованы в вузовских курсах философии, психологии, общего и частного языкознания, стилистики художественной речи, психолингвистики, поэтики, в школьном преподавании русского языка и литературы.

Апробация работы. Основные положения исследования докладывались на всесоюзных научных и научно-методических конференциях «Русский язык как средство интернационального воспитания учащейся молодежи» (Орджоникидзе, 1985), «Новейшие направления лингвистики» (Москва, 1989), «Стилистика и поэтика» (Москва, 1989), на IX, X Всесоюзных и XI Всероссийском симпозиумах по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 1989, 1991, 1994), на научных конференциях, проводившихся Институтом языкознания и Институтом русского языка Российской Академии наук совместно с вузами Советского Союза (затем СНГ) и России: «Семантика целого текста» (Одесса, 1987), «Прагматический аспект грамматической структуры текста» (Днепропетровск, 1988), «Проблемы фоносемантики» (Пенза, 1989), «Закономерности развития и взаимодействия национальных языков и литератур» (Казань, 1989), «Развитие речи детей и обучение языкам» (Шяюляй, 1989), «Художественный текст: Проблемы изучения» (Пенза, 1990), «Нормы человеческого общения» (Горький, 1990), «Когнитивная и коммуникативная структура текста» (Днепропетровск, 1991), «Фоносемантика и прагматика» (Пенза, 1991); на региональных

межвузовских научных и научно-практических конференциях и совещаниях: «Типы языковых парадигм» (Свердловск, 1987), «Проблемы деривации и номинации в русском языке» (Омск, 1988), «Пути совершенствования профессиональной подготовки специалиста в высшей школе» (Пенза, 1988), «Ригорика и перспективы ее изучения в школе и вузе» (Ростов-на Дону, 1990), «Статус стилистики в современном языкознании» (Пермь, 1990), «Теория текста» (Екатеринбург, 1992), «Выразительность художественного и публицистического текста» (Ростов-на Дону, 1993), «Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания» (Краснодар, 1993), «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи» (Н.-Новгород, 1994); на ежегодных научных конференциях профессорско-преподавательского состава Пензенского гос. пед. института им. В.Г.Белинского (Пенза, с 1977 по 1994 год).

Идеи, основные положения и результаты предпринятого исследования неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры русского языка и методики его преподавания Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г.Белинского.

На защиту выносятся следующие теоретические положения:

1. Анафония, т.е. «звукопись, направленная на определенное имя и стремящаяся воспроизвести это имя» (Ф.де Соссюр 1977:642), имеет своим языковым основанием ассоциативно-звуковую парадигму языка и иллюстрирует собой ее синтагматические возможности.

2. Анафония может быть представлена как явление языка, развивающееся на собственной основе и проходящее в своем развитии через четыре ступени своей сущности (уровни мышления, языка, речи и коммуникации) и пять целевых подсистем, которым соответствуют генетический, логический, психолингвистический (а также психологический, статистический), функциональный и идиолектный аспекты.

3. Разработанный автором языковедческий вариант универсальной методологии научного поиска и изложения применим не только для анафонии, но и для других языковых средств, что позволит обеспечивать историчность, целостность и всесторонность научного подхода к изучаемым лингвистическим проблемам.

В связи с тем, что настоящий доклад раскрывает содержание уже опубликованной одноименной монографии, вышедшей заведомо большим тиражом, нежели настоящий доклад, позволим себе не останавливаться на частности, но выделить главные общетеоретические и практические результаты проведенного

исследования, структура которого представлена предисловием, введением, четырьмя главами (каждая из пяти параграфов), заключением и списком цитируемой литературы.

В Предисловии указывается на междисциплинарный характер проблемы анаграмм, на принципиальную традиционность употребляемых терминов, на прикладной («пролингвистический») характер использования субстратного метода, предложенного российским философом А.А.Гагаевым, на отсутствие претензий у автора «закрыть проблему анаграмм». В работе предпринята первая в русистике (и лингвистике вообще) попытка взглянуть на анаграммы с точки зрения конкретного варианта общей теории систем, очертить весь круг встающих при этом вопросов и наметить пути их объективного решения.

Во Введении раскрывается краткая история вопроса и уточняется специфика предлагаемого подхода к изучению анаграмм.

В §1 Введения указывается на недостаточную освещенность анаграмматического наследия Ф.де Соссюра в отечественной лингвистике, разбирается анаграмматическая терминология названного ученого, отмечается субъективизм одного из наиболее важных терминов («слово-тема»), утверждается – с опорой на конкретный материал – независимость первых отечественных исследований «звукообразов» от анаграмматических идей Ф.де Соссюра и дается более чем общая характеристика состояния современных анаграмматических работ (одно из удобств субстратной методологии состоит в том, что она позволяет снимать весьма деликатную проблему критики предшественников).

В §2 Введения обосновывается выбор исходной «клеточки» анализа анаграмм, обозначаются основные аспекты системного осмысления языковых средств, указываются причины, по которым была выбрана субстратная методология, предложенная А.А.Гагаевым.

В качестве «первоначала» настоящего исследования, или основы восхождения от абстрактного к конкретному, или предмета, развивающегося на собственной основе, нами принят синтез следующих отправных абстракций: понятие анафонии как звуковых повторов, перекликающихся со звуковой формой того или иного слова темы; понятие материально выраженного и нулевого слова-темы; представление о различной роли опорных и ключевых слов в порождении и структуре текста.

Подчеркнем, что наша работа является прямым продолжением (а точнее – собщением) поисков Ф.де Соссюра, и в этом нетрудно убедиться на очевидном родстве наших базовых терминов с соссюровской терминологией.

Фоника (=звуковая организация художественной речи) – совокупность различных неканонизованных форм звуковой организации художественной речи (канонизованной формой звуковой организации стиха является рифма).

Анаграмма – такая неканонизованная форма звуковой организации, при которой звуковой состав того или иного важного по смыслу слова (слова-темы) полностью воспроизводится в тексте.

Анафония – такая неканонизованная форма звуковой организации, при которой звуковой состав того или иного слова-темы воспроизводится в тексте не полностью.

Криптограмма – это анаграмма, где звуковой состав того или иного слова-темы имплицитно, зашифровывается в тексте и для его эксплицитирования, расшифровки требуются определенные фоновые, экстралингвистические знания.

Фонетическая гармония – это формы звуковой организации речи, не связанные с воспроизведением звукового состава того или иного слова-темы.

Принципиально важным представляется выбор термина, который бы обозначал все случаи звуковой имитации слова-темы, т.е. выбор родового понятия. В качестве такового обычно фигурирует термин анаграммы, хотя это не вполне согласуется хотя бы с таким уточнением Ф. де Соссюра: "Анаграмма, в противоположность параграмме, будет предназначаться для тех случаев, когда автор вознамерится сконцентрировать в небольшом отрезке, например, в одном или двух словах, все элементы слова-темы; подобным образом "анаграмма", по нашему определению, – фигура, которая играет совершенно незначительную роль среди изучаемых явлений и обычно представляет собой всего лишь часть, или частный случай параграммы". В силу того, что анаграммы "играют совершенно незначительную роль" и представляют собой всего лишь "частный случай" изучаемых явлений, этот термин вряд ли уместен в качестве родового понятия. Термину "параграмма" в качестве родового мешает, во-вторых, отсутствие в лингвистике традиции такого словоупотребления, а во-первых (и в самых главных), внутренняя форма термина: "ни анаграмма, ни параграмма не означают, что поэзия направлена на создание образов (фигур), основанных на письменных знаках" (J. Starobinski 1971: 31; Е. У. Шадрина 1989: 10; А. В. Пузырев и Е. У. Шадрина 1990: 80).

Из сказанного здесь понятно, в чем заключаются преимущества термина "анафония" перед термином "параграмма": внутренняя форма термина анафония в большей степени отвечает существу выражаемого содержания. Именно поэтому в настоящей работе для обозначения

всех разновидностей фоники, обусловленных звуковым составом слова-темы, используется термин "анафония".

Мы осознаем логическую непротиворечивость принятого нами словоупотребления: одним и тем же термином у нас обозначаются и все формы имитации звукового состава слова-темы — анафония в широком значении (анафония.1), и наиболее типичная (неполная) форма такой имитации — собственно анафония (анафония.2). Вместе с тем такое словоупотребление сулит и определенные выгоды, поскольку тесно связывает звуковую имитацию слова-темы с ее наиболее типичным проявлением.

Как разграничить значения "анафония.1" и "анафония.2"? Очевидно, что в тех случаях, когда анафония противопоставляется анаграммам или сопоставляется с ними, находится с ними в одном логическом ряду, этот термин используется в узком значении (анафония. 2). Когда же такое противопоставление анаграммам не имеется в виду, данный термин употребляется в значении родового понятия, в значении "анафония. 1".

При установлении иерархичности внутри понятий «ключевое», «опорное» и «тематическое слово» мы следуем логике внутренней формы.

Наиболее широким во объеме — родовым понятием — представляется термин «тематическое слово», или «слово-тема». Внутри тематических выделяются опорные и стилеобразующие слова, в понимании которых мы следуем за В.В.Одинцовым. Внутри опорных слов, в свою очередь, выделяются ключевые слова. Ключевое слово — это такое опорное слово, которое аккумулирует основной смысл текста, является его семантическим и композиционным центром и подвергается вследствие этого различным семантико-стилистическим трансформациям.

Тематические слова (элементы) присутствуют в каждом тексте, в тексте любой функционально-стилевой принадлежности, от которой зависит соотношение опорных и стилеобразующих слов (элементов) текста, но само наличие тематических слов — одна из универсалий. Что же касается ключевых слов, то — поскольку они относятся к «структурообразующим» элементам (термин В.В.Одинцова) — они могут быть обнаружены только в текстах с соответствующей композицией, следовательно — далеко не в каждом тексте.

Принципиально важно (хотя не всеми учитывается), что тематические слова имеют 3 степени своего материального выражения: слова-темы, материально выраженные в тексте — "нулевые" слова-темы — слова-темы, отсутствующие в тексте; причем указанные степени выражения наблюдаются и у стилеобразующих, и у опорных, и у

ключевых слов текста. Наиболее очевидный пример текстов с нулевым опорным словом — это загадки.

Нулевое опорное слово загадки может соседствовать с материально выраженным ключевым и вступать с ним в различные игры словами, ср.: "Сидит кошка на окошке, но не кошка". Нулевое опорное слово-отгадка ("кот") достраивает собою не только лексическую (слово "кошка" используется в двух лексико-семантических вариантах, и второй из них предполагает оппозицию "кошка — кот"), но и фонетическую организацию загадки, ср. начальное "кот" (с метатезой по смежности "сидиТ КОшка") и своего рода звуковое эхо ("на оКОшке, но не КОшка") — но ключевым словом загадки, словом, которое "не равно само себе" (одна из основных семантических характеристик ключевого слова), является материально выраженное существительное "кошка": именно оно одновременно используется в нескольких значениях, именно его второе употребление не совпадает по значению с первым, именно его звуковой состав пронизывает всю загадку ("Сидит *кошка* на оКОШКе, но не КОШКА").

Используемый нами вариант общей теории систем выступает в виде очень строгой методологической концепции — концепции, предполагающей формализацию связи (в том числе жесткую последовательность использования — А.П.) категорий и схем при исследовании систем с целью выявления их основ (А. А. Гагаев 1991: 181). Формализация этой связи заключается, во-первых, в том, что в любом предмете исследователь обязан видеть четыре одновременно сосуществующих; во-вторых, в том, что каждый из этих предметов рассматривается не менее чем в пяти целевых подсистемах, а в-третьих — в том, что определена жесткая последовательность шагов исследовательской рефлексии.

Следуя субстратному подходу к предмету исследования, мы обязаны различать: 1) исходный предмет; 2) развитый предмет в собственном смысле слова; 3) то, во что он превращается; 4) будущий предмет (В.А.Вазюлин 1968: 271; А.А.Гагаев 1991: 139).

Говоря об этих четырех степенях сущности предмета, заметим, что в онтологическом аспекте первый предмет выступает как бытие предмета, второй — как его сущность, третий — как явление предмета, четвертый — как его действительность. Если же представление о четырех одновременно сосуществующих предметах, о четырех степенях сущности (бытие — сущность — явление — действительность) перевести на язык логики, то получится ряд из четырех понятий: всеобщее — общее — особенное — единичное.

Чему в языке соответствует категория *единичного*? — Очевидно, это коммуникация, общение между людьми. Только в общении (с кем-

либо, а иногда с самим собой) речь выражает не содержание, а лично-ориентированный смысл: один и тот же текст существует столько раз, сколько раз его читали и воспринимали. Коммуникация – это взаимодействие субъектов с помощью знаковых средств языка, но не любое такое взаимодействие. Это взаимодействие, вызванное потребностями совместной деятельности и направленное на значимое изменение в состоянии, поведении и лично-смысловых образованиях партнера.

В онтологическом плане коммуникация – это *действительность* языка. Если учесть, что действительность – это объективная реальность как актуально наличное бытие, т.е. подлинное бытие, то коммуникация – это и есть объективная реальность языка как его актуально наличное бытие, т.е. подлинное бытие языка. Мертвые языки в этом смысле – это языки, потерявшие свою действительность, свое актуально наличное бытие, это языки, переставшие быть средством коммуникации.

Но если коммуникация – это в логическом плане *единичное*, то речь – конечно, *особенное*. В онтологическом плане речь – это *явление* языка, или, другими словами, то или иное обнаружение (выражение) языка, его внешние формы существования. Речь – это то, во что превращается язык, это то, в чем он материализуется. Речь – это та реальность, которая обладает материальными признаками, это то, что предстает, по К.Марксу, "в виде движущихся слоев воздуха".

На этой ступени сущности мы не можем говорить о смысле сказанного – мы можем говорить о наличии только лишь определенного содержания. Исследование речи, однако, не составляет задачи лингвистики: задачу любой науки составляет постижение сущности предмета, и потому в задачи лингвистики прежде всего входит постижение ненаблюдаемой сущности, а именно языка.

Подобно тому, как Г.В.Лейбниц полагал, что сущность тела "состоит в том, чтобы существовать в пространстве" (Г.В. Лейбниц 1982 т.1: 84), мы в своей концепции исходим из того, что сущность языка состоит в том, чтобы существовать в пространстве и, конечно, времени. Речь поэтому предстает перед нами отнюдь не как "использование", "употребление" языка (довольно обычные определения термина "речь" в лингвистических сочинениях), но как само существование языка в пространстве и времени. Речь – это необходимое и вместе с тем случайное проявление качеств языка (диалектика необходимого и случайного – в силу ограниченности рамок изложения – здесь не рассматривается).

Язык в логическом аспекте предстает как *общее* и оказывается системой языковых знаков и правил их использования. Эта система

служит важнейшим средством человеческого общения, одним из важнейших способов выражения самосознания личности, одним из способов хранения информации и передачи ее от поколения к поколению. В онтологическом же плане "язык" предстает как *сущность*, скрытая за поверхностью речевых явлений.

Наиболее абстрактным (в логическом плане – *всеобщим*) и потому наименее очевидным из четырех выделенных предметов (одновременно сосуществующих в языке) является мышление, обслуживающее коммуникацию. Под мышлением в нашей работе понимается познавательная по функции психическая деятельность человека, в результате которой достигается новое знание (ср.: *О.К. Тихомиров 1970: 257*). Более абстрактный, по сравнению с языком, характер мышления проявляется хотя бы в существовании переводов одного и того же содержания с одного языкового кода на другой. В онтологическом плане мышление предстает как *бытие* языка, т.е. реальность, существующая объективно, вне и независимо от сознания человека, объективная реальность как совокупность исходных внутренних условий проявлений языковой личности (Для лингвиста важно разграничивать языковое и «языковедное», по И. А. Бодуэну де Куртене, мышление).

Из сказанного следуют два принципиально важных вывода. Во-первых, признание уровня мышления одной из ступеней сущности анафонии влечет за собой признание необходимости более тесной увязки лингвистического исследования с поисками, ведущимися в смежных науках, где изучаются психологические и психофизиологические аспекты мыслительной деятельности. Несомненно, что лингвистические знания должны проецироваться на данные смежных наук о работе небезызвестного "черного ящика", а лингвистическое исследование, не учитывающее психологических и психофизиологических аспектов, не может – в рамках данного варианта общей теории систем – квалифицироваться как системное.

Во-вторых, не менее важным следствием для лингвистов оказывается утверждение тетрарного (в соответствии с 4 уровнями сущности) принципа исследования в системных (или претендующих на системность) лингвистических работах. В памяти многих лингвистов живы воспоминания об искрометной дискуссии – нужно ли учитывать известную дихотомию "язык-речь". Для системного же подхода к лингвистическим реалиям данной дихотомии оказывается более чем недостаточно: она включается в состав более широкой парадигмы, или "тетрахотомии" – "*мышление, язык, речь, коммуникация*".

Предложенный А. А. Гагаевым субстратный подход предполагает формирование на каждой ступени сущности 5-ти целевых подсистем,

также предусматривающих движение познания и изложения его результатов от абстрактного (всеобщего и общего) – через конкретно-абстрактное и особенное – к конкретно-единичному, причем соотношение дедуктивного и индуктивного способов исследования и повествования на каждой ступени сущности имеет свои особенности, допускает некоторые вариации.

Если на время отвлечься от указанных вариаций в соотношении индукции-дедукции на каждой из 4-х ступеней сущности (на уровнях мышления, языка, речи и коммуникации), то первой по порядку оказывается целевая подсистема *"Всеобщее"*, предполагающая рассмотрение историко-логического, генетического, диахронического аспекта в изучаемом явлении на каждой ступени его сущности. В этой подсистеме исследуется возникновение, происхождение, становление и развитие на каждой ступени сущности того явления, которое изучается. Для лингвиста целевая подсистема *"Всеобщее"* соотносится в первую очередь с диахроническим аспектом, с проблемами изучения детской речи, т.е. генетический аспект рассматривается как единство филогенетического и онтогенетического подходов.

Второй по порядку является целевая подсистема *"Общее"*, где ведущим оказывается логический аспект изучения данного языкового явления на каждой ступени его сущности. В этой подсистеме выявляются логические связи и отношения используемых терминов, а сами термины получают определения, устанавливаются непротиворечивость, полнота и независимость исходных постулатов данной теории, обосновывается общенаучный характер понятийных и общенаучных предпосылок разрабатываемой концепции. Если же иметь в виду известное членение семиотики на семантику, синтактику и прагматику, то целевая подсистема *"Общее"* в первую очередь соотносится, вероятно, с семантическим и синтаксическими аспектами семиотики.

Третьей по порядку при системном анализе выступает целевая подсистема *"Конкретно-абстрактное"*, где главным объектом рассмотрения оказывается детерминация, закон развития, процессуальные моменты в данном языковом явлении на всех ступенях его сущности. В этой целевой подсистеме рассматриваются на каком-то синхронном срезе необратимые, направленные и закономерные изменения языковых явлений. В наибольшей степени подсистеме *"Конкретно-абстрактное"* соответствуют, вероятно, психологический, психолингвистический и статистический подходы к языковому материалу, поскольку они в наибольшей степени *"схватывают"* общие закономерности изменений и развития на уровнях мышления, языка (психология, психолингвистика) и речи (статистика). Очевидно,

существенным оказывается деятельностный аспект в осмыслении изучаемого материала.

Четвертой целевой подсистемой является подсистема *"Особенное"*, предполагающая анализ функциональных связей, функциональных форм изучаемого явления на каждой ступени его сущности. В плане уже упоминавшегося членения семиотики данная целевая подсистема соотносится с прагматическим аспектом. Здесь же должны рассматриваться риторические и функционально-стилистические (и вообще – стилистические) аспекты употребления изучаемого языкового явления.

И наконец, пятой и последней по счету оказывается целевая подсистема *"Единое"*, где вычленяются и рассматриваются индивидуально-неповторимые особенности того или иного предмета на всех ступенях его сущности. Ведущим здесь оказывается аспект языковой личности (=личности мыслительной, языковой, речевой и коммуникативной): "Здесь, как и во всех прочих отделах языковедения, реальной величиной является не "язык" в отвлечении от человека, а только человек как носитель языкового мышления. Мы должны не классифицировать языки, а только давать сравнительную характеристику людей по свойственному им языковому мышлению" (И.А. Бодуэн де Куртене 1963 т. 2: 182). Плодотворными для лингвиста в данной подсистеме являются понятия "идиостиль" и "идиолект", а также "языковая личность", активно разрабатываемые в последнее время.

В адаптированном для лингвистов виде, таким образом, общая схема восхождения от абстрактного к конкретному при изучении языка (или языковых единиц) может быть передана таблицей. Цифры в этой таблице обозначают последовательность шагов исследовательской рефлексии (в нашей работе – номера параграфов).

В связи с составленной нами таблицей, передающей процесс восхождения лингвиста от абстрактного к конкретному, необходимо отметить следующие обстоятельства. Во-первых, такое исследование возможно лишь в условиях, когда уже сформирован концептуальный аппарат науки и создан исходный каркас понятий (по нашему убеждению, лингвистика как наука отвечает такому требованию). Во-вторых, реальная языковая конкретность служит для системного исследования той предпосылкой, которая, по Марксу, должна "... постоянно витать в нашем представлении..." (К.Маркс 1958: 728). Наконец, в-третьих, необходимо построение исходной теоретической конструкции, которая выражала бы некоторый синтез отправных абстракций (в роли такой конструкции, как уже было сказано, в нашем исследовании выступают понятие анафонии как звуковых повторов,

Уровни изучения (степени сущности)	Целевые подсистемы (логический аспект)				
	Всеобщее	Общее	Конкретно-абстрактное	Особенное	Единичное
Мышление	1	5	4	3	2
Язык	6	7	8	9	10
Речь	14	11	12	13	15
Коммуникация	19	16	18	17	20

перекликающихся со звуковой формой того или иного слова-темы, понятие материально выраженного и нулевого слова-темы, представление о различной роли опорных и ключевых слов в порождении и структуре текста).

Была ли необходимость использовать субстратный подход к анаграммам и анафонии?

Необходимость какого-то нового метода изложения осознавалась автором настоящей работы относительно давно — с тех пор, как у него накопился довольно значительный по объему эмпирический материал. Привычные способы изложения (способы, имеющиеся в работах коллег-лингвистов) явно не подходили, поскольку неумолимо требовали проигнорировать те или иные существенные для нас факты, ту или иную область проявления анафонии. Понимание недопустимости игнорировать факты ради привычного способа изложения заставляло осознавать ситуацию как творческий тупик: отсутствие целостного, словесно-логического представления имеющегося материала более чем ощутимо противоречило интуитивному ощущению тесной связи вроде бы разнородных накопленных фактов и наблюдений и полученных нами (и не только нами) результатов.

Знакомство автора данного доклада с субстратной методологией позволило выйти из состояния творческого тупика: исследование с этого момента стало саморазвиваться как нечто независимое от воли автора, стало как бы самоадиктовываться.

Субстратный метод удобен тем, что выступает в качестве *твердой опоры* для тех лингвистов, кто в такой опоре нуждается (к таким лингвистам автор отнюдь не в последнюю очередь относит самого себя). Овладев методологией, ученый приобретает способность

ориентироваться в безбрежном океане фактов и мнений, получает возможность критически и, следовательно, более объективно оценивать результаты коллег, а также свои собственные. Потребность провести свой предмет, развивающийся на собственной основе, через четыре ступени его сущности и — на каждой из них — через пять целевых подсистем вынуждает исследователя производить селекцию существующих точек зрения и пропускать без внимания те из них, что "не ложатся" на конкретный материал. Это — достоинство метода, поскольку позволяет ученому не разбрасываться и экономит его силы.

Одной из причин выбора данной методологии послужил также *интегрирующий* характер субстратного подхода: он полностью отвечает первому правилу Рене Декарта "для руководства ума", ср.: "Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих" (Р. Декарт 1936: 49). В самом деле, системное осмысление взятой для анализа конкретной проблемы требует учитывать ее диахронический (а точнее — генетический), логический, психолингвистический, статистический, прагматический, стилистический, риторический, литературоведческий, текстологический, когнитивный и коммуникативный аспекты, причем требуется не простое суммирование перечисленных аспектов, но их обязательная преемственность и строгая очередность.

Четвертая причина. Она уже называлась нами. Использование субстратного метода позволяет снять весьма деликатную проблему критики предшественников, поскольку предполагает разложение традиционных парадигм, их перестройку и включение в более общие парадигмы познания. Субстратный метод — метод не отрицающий (предшественников), а утверждающий (включение результатов предшественников как часть в целое). Он позволяет сосредоточиться не на извечной проблеме "Кто виноват?", а на более важной — "Что делать?" Позитивный характер субстратного метода составляет одну из самых сильных его сторон.

В первой главе монографии — «*Анафония на уровне мышления*» — автор, по вполне понятным причинам — был несколько стеснен в своих возможностях говорить о данной разновидности звуковых повторов (именно об анафонии). Естественно поэтому, что на этой ступени сущности можно говорить не только об анафонии, но и о звуковых повторах вообще. Полагаем, это не снижает научного уровня обсуждения, поскольку, по законам логики, любое суждение, справедливое по отношению к родовому понятию (звуковые повторы), оказывается справедливым и для видового (анафония).

На указанной ступени сущности анафонии мы должны разграничивать, с одной стороны, психологические и психофизиологические предпосылки анафонии, а с другой — психологические и психофизиологические корреляты анафонии. Полагаем, что понятие "предпосылки" шире понятия "корреляты": все психологические и психофизиологические корреляты анафонии одновременно являются и ее психологическими и психофизиологическими предпосылками, но отнюдь не все психологические и психофизиологические предпосылки анафонии могут быть признаны ее коррелятами.

Наконец, при рассмотрении анафонии на первой ступени ее сущности исследователь обязан опираться не только на данные психофизиологии и психологии, но и на рефлексию поэтов и писателей, на суждения литературоведов — особенно при анализе анафонии в "конкретных" целевых подсистемах: "Единичное", "Особенное", "Конкретно-абстрактное".

§ 1 «*Всеобщее*. Онтогенез звуковых ассоциаций. Психофизиологические и психологические предпосылки анафонии» посвящен становлению звуковых ассоциаций и звуковых повторов в языковом сознании и языковом подсознании носителей языка. Установлено, что анафония появляется в человеческой речи на самых ранних стадиях овладения языком, причем языковым подсознанием она продуцируется значительно раньше, нежели языковым сознанием. Звуковые повторы и анафония (одна из их разновидностей) попадают в совокупность метаязыковых знаний ребенка — в осознаваемую их часть — довольно поздно, во время целенаправленного обучения, но затем обычно переводятся в сферу подсознания — основную сферу их бытия.

У анафонии (и вообще звуковых повторов) имеются вполне определенные психофизиологические и психологические предпосылки. К первым из них относятся функциональная асимметрия мозга, объем оперативной памяти, особенности раздражительного и тормозного процессов, синестезия, а также доминанта А.А. Ухтомского и "ловушки возбуждения" Р. Лоренте де Но как психофизиологический субстрат (коррелят) анафонии. Ко вторым, психологическим предпосылкам относятся различные виды мышления, установка как основание для конструирования художественно-литературной реальности, сознательное/бессознательное психическое, фундаментальная человеческая потребность извлекать смысл из окружающего нас мира и делать это при произвольном контроле, бисексуальность как одна из предпосылок идиостиля, а также персеверации как психологический субстрат (коррелят) анафонии.

В § 2 «*Конкретно-отдельное, единичное*. Различная допустимость звуковых повторов в языковом сознании языковых личностей» на конкретном материале показывается, что бытие анафонии на уровне языкового мышления целиком и полностью зависит от характера художественного мышления конкретной личности: быстро или медленно она пишет, осуществляет творческий процесс в голове или на бумаге, в большей степени доверяет интуиции или рассудку. Но независимо от характера художественного мышления любой поэт или писатель обладает обостренным языковедным мышлением, и звуковая сторона речи (хотя бы время от времени) не может не осознаваться этим писателем или поэтом. Степень "разрешенности" звуковых повторов (и, в частности, анафонии) в языковом сознании у этих языковых личностей оказывается различной и во многом зависит от того, в каком качестве эта личность предстает — в качестве поэта или писателя.

Поскольку целевая подсистема "Особенное" предполагает обращение исследователя к функциональным формам и функциональным связям явления, главным вопросом § 3 «*Особенное*. Различия в оценке осознаваемых и неосознаваемых звуковых повторов» оказывается вопрос о функциях звуковых повторов в языковом мышлении той или иной личности. Языковое мышление, однако, принципиально не наблюдаемо, и потому вопрос о функциях звуковых повторов (в частности — анафонии) в языковом мышлении личности предстает здесь как вопрос об оценке звуковых повторов мыслящей личностью, как вопрос о бытии звуковых повторов в мстаязыковом мышлении личности. Важным оказывается следующее:

1) Как в стихе, так и в прозе прагматика звуковых повторов во многом зависит от того, кто является субъектом прагматического оценивания — сам автор или его читатель. Любопытно, но у отправителя речи прослеживается тенденция оценивать звуковую сторону своей речи выше, чем это обычно делает читатель.

2) Прагматика звуковых повторов в большой степени зависит от степени осознаваемости этих языковых средств: в стихе наибольшей иллюкутивной силой обладают неосознаваемые — как поэтом, так и читателем — звуковые повторы; что же касается прозы, то фиксация в языковом сознании читателя нарочитых звуковых повторов воспринимается им как нарушение культурно-речевых норм и обычно вызывает негативную реакцию. вплоть до реакции отторжения, — а прагматика неосознаваемых звуковых повторов в прозе требует специальных исследований.

В § 4 «*Конкретно-абстрактное*. Праобраз и звукообраз. Влияние звуковых повторов на мыслительный процесс» общая проблема: «*Системное осмысление анафонии*» — предстает в виде частной

проблемы «Анафония в мыслительной деятельности». Здесь нами сделаны следующие выводы:

1. Поскольку художественное постижение мира изначально проходит через стадию праобраза ("зародыша идеи", "звучащего слепка формы"), а звучащий праобраз – "звукообраз" – во многом предопределяет результаты мыслительной деятельности поэта, постольку звуковые повторы, звуковые ассоциации оказываются изначально причастными к стиховому познанию мира.

2. Звукообраз (одна из разновидностей праобраза) – это тот феномен, который служит психологическим основанием для анафонии как динамического, развертывающегося во времени и пространстве процесса.

3. Массовый, поставленный под руководством автора ассоциативный эксперимент показал, что звуковая организация речи (в конечном счете – языка) в известной степени предопределяет продукт мыслительной деятельности, причем этот вывод получен на материале как русского, так и татарского языков – языков, принадлежащих к различным языковым семьям и морфологическим типам, что позволяет данному выводу претендовать на некую универсальность.

4. Проведенный эксперимент показал также, что мышление женщин в большей степени восприимчиво – по сравнению с мужским полом – к звуковой организации речи. Он подтвердил также, что знание языков – фактор, повышающий остроту языкового восприятия, мощный фактор развития языкового чутья. Степень выраженности "художественного" начала в человеке тоже является одним из факторов выбора и употребления слов по звуковым соображениям.

5. Общечеловеческий характер воздействия звуковых ассоциаций на мыслительный процесс проявляется и в феномене "народной этимологии", в явлении, которое существует если не во всех, то во многих языках.

Своеобразное положение § 5 «*Общее*. Логическая соотнесенность используемых общелингвистических терминов» среди других заключается в том, что, с одной стороны, здесь завершается рассмотрение выделенного первоначала на первой ступени его сущности, а с другой стороны – в том, что здесь обозначается переход к рассмотрению анафонии на ее основном, детерминирующем уровне – на второй ступени ее сущности (на уровне языка). Как полагает А.А. Гагаев, вторая – но общему счету – целевая подсистема, "Общее", предусматривает символический уровень абстрагирования и построение знаковой модели объекта (А.А. Гагаев 1991: 182-183). Иными словами, эта целевая подсистема на первый план выводит логический аспект

исследования, что для лингвистов означает уточнение логической соотнесенности исходных понятий, используемых на уровне метаязыкового мышления.

В заключительном параграфе первой главы уточняется логическая соотнесенность базовых понятий, используемых на уровне метаязыкового мышления: деятельность (мыслительная – языковая – речевая – коммуникативная), активность, психика, сознание и бессознательное; мышление, язык, речь и коммуникация; текст. Подчеркивается, что деятельность и текст, как и "первоначало" настоящей работы (анафония), могут быть проведены через все четыре ступени сущности языка (уровни мышления, языка, речи и коммуникации).

Во второй главе монографии – «*Анафония на уровне языка*» – отмечается, что изучение анафонии на второй ступени ее сущности во многом аналогично ее изучению на уровне мышления. Язык, как и мышление (и это уже неоднократно отмечалось нами), не дан человеку в непосредственном наблюдении. На этом уровне исследователь ограничен в своих возможностях, поскольку может опираться главным образом на результаты коллег и самохарактеристики языковых личностей – на уровне "Общего", субстрата системы, господствует предполагающая рефлексия (см.: А.А.Гагаев 1991: 185).

Постижение языковой сущности анафонии – основная цель нашего исследования, а уровень языка – основной детерминирующий уровень для лингвиста, но это уровень довольно высокой абстракции, уступающий по своей отвлеченности только уровню мышления. Если вспомнить, что в диалектической традиции абстрактное понимается в широком смысле как "бедность", односторонность знания, то следует признать, что на этом уровне исследования могут быть получены знания не самого содержательного порядка. В этом смысле, смысле диалектической традиции, лингвистика, ограничивающая себя построением моделей. – весьма несодержательна.

В § 6 «*Всеобщее. Языковые основания анафонии. Ассоциативно-звуковая парадигма языка*» рассматриваются языковые предпосылки анафонии. Отметим следующее:

1. Языковым основанием анафонии является зона ассоциативно-звуковых пересечений в языке – ассоциативно-звуковая парадигма (в нашем случае – русского) языка. Эта макропарадигма имеет полевую структуру и характеризуется наличием центра (ядра) и периферии.

2. Парадигматические отношения внутри ассоциативно-звуковой парадигмы проявляются в существовании омонимов, паронимов и анаграмм (в традиционном, дососюрловском их толковании); синтагматические отношения внутри ассоциативно-звуковой парадигмы

языка обнаруживаются в наличии внутри языка всякого рода звуковых повторов, в частности — паронимической аттракции, "привычных" рифм (не говоря уж об анафонии, предмете нашего исследования).

3. Внутри ассоциативно-звуковой парадигмы языка различается направленность ассоциаций от семантики к звучанию и от звучания к семантике. Направленность ассоциаций от семантики к звучанию проявляется в том, что слова-синонимы в целом обладают большим фонетическим сходством, чем слова-антонимы (Л.В.Быстрова и В.В.Левицкий). Ассоциации, идущие от звучания к семантике, реализуются в языке в виде звукового символизма и ономотопеи, а также безотчетной вербализации звуковых эффектов неязыкового происхождения.

4. Наиболее очевидным образом ассоциативно-звуковая парадигма языка проявляется в случаях ее игнорирования — например, при образовании аббревиатур или при отсутствии внимания к эффектам стечения слов в речевом потоке.

5. В филогенетическом аспекте ассоциативно-звуковая парадигма восходит к языковым фонационным монолитам и является результатом саморасщепления этих протоязыковых фонационных монолитов. Протоязыковая изобразительность (иконичность) фонационных монолитов проявляется и в современном языке, трансформировавшись в экспрессивность знаков-символов.

В онтогенетическом аспекте становление ассоциативно-звуковой парадигмы языка протекает параллельно становлению языкового и метаязыкового мышления и наиболее заметно в известном возрасте "от 2-х до 5-ти". В момент, когда ребенок начинает говорить, он уже имеет сложившуюся — в самых общих контурах — ассоциативно-звуковую макрорадиому, которая становится фактором активного осмысления и преобразования новых слов и выражений и в результате такого осмысления подвергается все большему и большему уточнению. Ассоциативно-звуковая парадигма языка в онтогенезе складывается раньше, нежели представления о норме, и между влияниями этих факторов могут быть обнаружены несовпадения.

6. Различная ассоциативная сила слов различных частей речи, максимум ассоциативных возможностей имени существительного определяют выбор этой части речи — в плане знафонических исследований — как наиболее предпочтительной (а внутри этой части речи — существительных конкретных). Одной из грамматических предпосылок проявления ассоциативных возможностей у сближающихся в звуковом отношении слов является употребление одного из них в именительном падеже.

§ 7 «Общее. Уточнение исходных понятий. Разновидности тематических слов и анафонии» (седьмой шаг исследовательской рефлексии) предполагает своего рода возвращение к первоначалу, исходной "клеточке" исследования. По отношению к анафонии это означает логическое определение и уточнение лингвистических понятий, необходимых для точного и, по возможности, всестороннего понимания сущности анафонии.

1. Устанавливается, что разграничение тематических, опорных и ключевых слов тесно связано с известной иерархией коммуникативных единиц. Если тематические и опорные слова имеются в коммуникативной единице любого уровня, то ключевые слова могут использоваться в коммуникативной единице, предполагающей композиционную оформленность. В тексте ключевым может быть и слово, и словосочетание, и предложение, и сложное синтаксическое целое. Хотя употребление ключевых элементов в большей степени свойственно текстам стихотворного языка, оно может наблюдаться и в прозе.

2. Разграничение опорных и ключевых слов перспективно тем, что может использоваться при изучении не только текстов, но и языка как системы подсистем на каком-то его синхронном срезе.

3. Основным параметром, выделяющим ключевой элемент из опорных, является семантико-стилистическая вариативность: ключевой элемент текста представляет собой единицу, семантически (и стилистически) не равную самой себе в начале и конце порождения (восприятия) текста.

4. По степени выраженности активного начала внутри ключевых слов можно выделить ключевые слова: 1) формируемые текстом, 2) формирующие текст.

Ключевые слова, формируемые текстом, являются объектом художественного мышления и характеризуются максимальной (вплоть до изменения референтной отнесенности) семантико-стилистической вариативностью, меньшей вариативностью формы, пассивной ролью в композиции, высокой степенью совпадения с названием текста — и чаще всего выражаются именем существительным.

Ключевые слова, формирующие текст, являются в художественном мышлении порождающим началом и характеризуются меньшей (по сравнению с первой группой) семантико-стилистической вариативностью, большей вариативностью формы, доминирующей ролью в композиции, значительно меньшей ролью названия в тексте — и могут выражаться любой частью речи.

Есть все основания предполагать, что ключевые слова второй группы чаще, чем первой, образуют анафонические отношения.

5. Сама возможность переноса разграничения опорных и ключевых слов с "уровня текста" на "уровень языка как системы подсистем" (уровни, предложенные А.И.Горшковым) позволяет разграничивать в анафонии анафонию контекстуального, текстового и общеязыкового характера.

6. При решении вопроса об анафонической организации текста с ключевым элементом (не словом) исследователю достаточно: 1) определить ключевой элемент текста; 2) выделить в этой единице наиболее информативные звуки (звуки, выдвинутые повтором, ударением, позицией в строке и т.п.); 3) установить факт превышения этими речевого фона (или факт совпадения с этим фоном); 4) сделать вывод о наличии-отсутствии анафонии текстового характера, о степени выраженности текстовой анафонии.

7. Факт превышения звуками слова-темы их обычной встречаемости в тексте того или иного поэта может устанавливаться только по отношению к обычной частотности этих звуков в речи того же самого поэта.

8. Вопрос о предпочтительности фонологической, звуковой, буквенной или звукобуквенной субстанции в анафонических использованиях решается нами в пользу звуковой субстанции. Причины для такого выбора у нас несколько: 1) эта субстанция в большей степени отражает реальное звучание художественной речи; 2) ее выбор в большей степени соответствует преемственному характеру нашего исследования, восходящего к анаграмматическим поискам Ф. де Соссюра; 3) изучая звуковую субстанцию анафонии, исследователь получает больше шансов приблизиться к речевой манифестации бессознательного психического, к наиболее интимным проявлениям языковой личности.

В § 8 «Конкретно-абстрактное. Анафония и порождение высказывания» общая проблема («Системное осмысление анафонии») преломляется в виде частных проблем «Анафония и языковая деятельность», «Сущность анафонии как процесса», «Закон развития анафонии». Проведенное обсуждение позволяет обозначить следующие важные для данной целевой подсистемы («Конкретно-абстрактное») моменты.

1. С точки зрения слова-темы, анафония — как динамический процесс — выступает в качестве материализации ассоциативно-звуковой валентности слова-темы. С точки зрения слов, созвучных слову-теме, анафония предстает как процесс включения этих слов в доминирующую звуковую тему фразы (или текста). Для обозначения динамического характера анафонии нами используется именование "анафония как процесс".

2. Широта ассоциативно-звуковой валентности слова-темы определяется общеязыковой частотностью звуков, слогов и звукосочетаний, входящих в состав слова-темы.

3. Анафония как процесс достаточно определенно вписывается в существующие представления о языковой деятельности. Степень ее проявленности, очевидно, зависит от характера языковой деятельности: если речепорождение осуществляется безостановочно, без пауз, то вероятность появления анафонии повышается; если же языковая деятельность характеризуется рассогласованностью уровней речепорождения (различного рода "муки слова"), то степень проявления анафонии как процесса снижается – кроме тех немногих случаев, когда создание анафонических эффектов осознается субъектом как цель его речевой деятельности.

4. Степень анафоничности конкретного текста, вероятно, может свидетельствовать о характере протекания речевой деятельности, результатом которой данный текст является.

5. Анафония как процесс, подчиненный процессу мышления на стихотворном языке, может быть признана типологической характеристикой стиха. Для прозы анафония скорее всего является "минус-процессом", который если и прорывается в сферу речевой реальности, то только благодаря языковому подсознанию, что, в свою очередь, делает изучение анафонии в прозе более предпочтительным.

6. Если отвлечься от – произвольного или не-произвольного – характера языковой деятельности, то, думается, анафония как процесс в большей степени характеризует не нулевое, а материально выраженное слово-тему: такое слово имеет намного больше шансов – хотя бы в силу неоднократности своего употребления – реализовать свою ассоциативно-звуковую валентность.

7. Анафония как процесс, с одной стороны, зависит от характера языковой деятельности, а с другой – сама является одним из факторов порождения высказывания.

8. Проведенный под руководством автора свободный ассоциативный эксперимент с квазисловом показал, что в смоделированной ситуации встречи носителя языка с незнакомым словом у субъекта в первую очередь появляются ассоциации звуковые. Затем их сменяют мысли "о своем". В третью очередь человек задается вопросом: "Что же именно это слово значит?" – но лишь в самую последнюю очередь человек отказывается думать об этом слове. Доминирующая позиция звуковых ассоциаций в данном случае доказывает их огромное значение для языкового поведения личности.

Центральным вопросом § 9 «Особеннос. Функции и функционирование анафонии», или девятого шага рефлексии, является

вопрос о функционировании ассоциативно-звуковой парадигмы языка, т.е. проблема, где изучение функциональных форм и функциональных связей анафонии оказывается частью проблемы более общего характера.

И здесь, к сожалению, в силу ограниченных рамок выбранного жанра, мы можем привести только выводы:

1. К наиболее общим функциям анафонии относятся: 1) эмоциональная, 2) воздействия (внутри нее – волюнтаристическая, экспрессивная и магическая функции), 3) гносеологическая, 4) эстетическая функции. К относительно специфическим относятся выделительная функция анафонии (функция интенсификации, функция акцентуации), а также функция создания, подкрепления "тесноты ряда" и эвфоническая функция. Следует подчеркнуть многофункциональность и вытекающую из этого высокую иллюкативную силу изучаемого языкового явления (как и звуковых повторов вообще).

2. Следует разводить понятия "норма" и "мера" в использовании анафонии.

3. Нормы письменных форм языка хотя и допускают – в большей или меньшей степени, при условии контекстуальной или ситуативной мотивированности – актуализацию ассоциативно-звуковой парадигмы, все-таки они ограничивают действие ассоциативно-звуковой парадигмы языка и в обычной речи запрещают носителю языка ставить созвучные слова рядом. Исключением здесь оказывается стихотворный язык (и субъязык рекламы), где действия литературных норм и ассоциативно-звуковой парадигмы языка друг другу не противоречат и полностью совпадают.

Что касается художественной прозы, то в ней наблюдается определенное противоречие между всеобщим по своему основанию явлением (анафонией) и элиминацией этого явления со стороны литературных норм, т.е. противоречие влияний языковой системы и социальных установлений. Поскольку великие мастера слова руководствуются в своем творчестве не соблюдением норм, а чувством меры, предположение об активном использовании анафонии крупнейшими мастерами прозы становится основной гипотезой, проверяемой на уровне речевой реальности данного языкового явления.

Основное содержание десятого шага рефлексии сформулировано в названии § 10 – «Единичное. Индивидуальная предрасположенность поэтов и писателей к использованию звуковых повторов в языке художественной литературы». Можно утверждать, что поэты и писатели обнаруживают различную предрасположенность к активному использованию анафонии:

1) если для поэтов анафония желательна, а степень ее использования во многом определяется тяготением поэта к напевной или говорной интонации, принадлежностью к тому или иному литературному направлению, индивидуальными свойствами языковой личности, а также ее композиционными пристрастиями,

2) то для большинства писателей активное использование анафонии как разновидности звуковых повторов недопустимо и вроде бы не должно иметь места.

В третьей главе монографии – «Анафония на уровне речи» – исследование получает необходимую ему конкретность и делает возможной проверку гипотез, выдвинутых на предыдущей ступени сущности.

Главной проблемой § 11 «Общее. Речевой фон для анаграмм и анафонии. Предпочтительность ориентации на собственные имена» является вопрос о наличии-отсутствии самого факта анафонии, т.е. вопрос критериев выделения анафонических фактов. Таким критерием – кроме наличия самого слова-темы и, если это возможно, подтверждений внешнего порядка – может быть только факт превышения звуками и звукосочетаниями слова-темы языкового фона как коррелята "среднего" порога восприятия или речевого фона как отражения обычной частотности звуков.

В работе приводятся данные о распределении звуков и звукобукв в русской стихотворной речи (всего обработано 100 000 звуков – результаты получены М. П. Болотской и А. В. Болотским). В силу того, что частотность звуков в стихотворной речи известна, вопрос о наличии-отсутствии факта анафонии в каждом конкретном случае может быть решен без всяких затруднений.

1. Использование полученных данных о частотности звуков в стихотворной речи по отношению к художественной прозе означает ужесточение требований к обнаружению явлений анафонии в прозе, т.е. повышает надежность результатов.

2. Надежность результатов обеспечивается в настоящей работе и общей ориентацией на такую разновидность опорных слов, как собственные имена. Собственные имена, с одной стороны, при прямом номинативном употреблении воплощают максимум конкретности (т.е. максимум информативных, ассоциативных и экспрессивных возможностей), а с другой стороны – обеспечивают воспроизводимость результатов.

§ 12 «Конкретно-абстрактное. Статистические закономерности анафонии. Ассоциативные доминанты» посвящен динамическим аспектам анафонии на уровне речевой реальности, статистическим закономерностям анафонии.

1. Наблюдения над анафонией в стихотворной речи русских классиков показали, что включение тематических слов в те или иные звуковые повторы (исследование проводилось на материале собственных имен) является законом их использования, ср. использование дифонов в известных строках: "Промчалось много, много дней С тех пор, как юная Татьяна И с ней Онегин в смутном сне Явились впервые мне..." (А.Пушкин); "Не будь на то господня воля, Не отдали б Москвы" (М.Лермонтов) и т.п.

2. Пилотажное по своему характеру исследование анафонии в художественной прозе М.М.Пришвина и М.А.Шолохова показало, что коэффициент анафоничности здесь составляет 99,9 %, ср.: «Тяжело дыша, Лушка села на смятую постель» (М.Шолохов) или «Только очень трудно было Травке привыкать к дикой жизни» (М.Пришвин).

Обратив внимание на самые заметные разновидности звуковых повторов, типа: «Базаров сказал правду» (Тургенев), «Ростов не думал о том, что значит требование носилок...» (Толстой) или «...Старик Самсонов сам сознавался» (Достоевский), мы обнаружили, что число ассоциатов, включающих указанные разновидности звуковых повторов в свой состав (далее — просто ассоциатов), измеряется тысячами, что в использовании этих ассоциатов обнаруживаются определенные закономерности:

1) Степень выделенности звуковых повторов и их количество находятся в отношениях обратной зависимости.

2) С увеличением расстояния от опорного слова вероятность ассоциатов к нему уменьшается. Чуть ли не 9 десятых всех ассоциатов располагаются от опорного слова не далее, чем на расстоянии в 7 фонетических слов.

3) Наибольшее количество ассоциатов находится в авторской речи и непосредственно связано с авторским повествованием.

4) Получила подтверждение гипотеза о том, что наличие или отсутствие звуковых скоплений вокруг слова-темы отражает интенсивность творческого процесса прозаика.

5) Среди ассоциатов к собственному имени персонажа обычно обнаруживается наиболее частый — ассоциативная доминанта. Ассоциативная доминанта — не столько формальная, сколько содержательная единица текста, ср. звучащую мелодию прилагательного «странный» рядом с именем Анны Карениной: "Ничего не было ни необыкновенного, ни странного в том, что человек заехал к приятелю в половине десятого узнать подробности затеваемого обеда и не вошел; но всем это показалось странно. Более всех странно и нехорошо это показалось *Анне*" (Л.Толстой 1984 т.7: 86).

В § 13 «*Особенное*. Экспрессивность анафонии в стихе и в прозе» центральное место принадлежит проблеме соотношения семантики и прагматики в анафонии на уровне речи. Здесь выделим главное:

1. В русской классической литературе ассоциативные доминанты, демонстрируя параллелизм смысла и звучания, характеризуются семантической неопределенностью и прагматической насыщенностью.

2.1. Прагматический заряд большой силы несут в себе и обычные ассоциаты. Репрезентируя в речевой ткани повествования вдохновение писателя, они обеспечивают заразительность искусства. Сказанное, однако, применимо главным образом по отношению к неосознаваемым (в процессе творчества и, соответственно, восприятия) звуковым повторам.

2.2. При нарушении некоторой меры прагматический заряд анафонии меняет свой знак "+" на "-" и становится зарядом "минус-экспрессивности", утомляющим и раздражающим обычного читателя.

3. Экспрессивность анафонии имеет место как в стихе, так и в художественной прозе.

Внутри § 14 «*Всёобщее*. Генезис анафонии на уровне речевой реальности» решаются следующие проблемы:

- 1) Имеет ли место анафония в устном народном творчестве?
- 2) Есть ли какая-нибудь специфика в проявлении анафонии внутри различных жанров фольклора (загадки, пословицы, частушки)?
- 3) Какова эволюция анафонии в литературных произведениях?

Произведенное исследование позволило заключить:

1. Наиболее бесспорно существование анафонических и анаграмматических структур в загадках: сущность загадки заключается в поиске нулевого слова-темы, а ее звуковая организация зачастую подсказывает искомый ответ, ср.: «Что в избе мать? — Матица» (брус поперек всей избы, на который настлан потолок).

2. Несомненно наличие анафонических и анаграмматических структур в русских пословицах, но их использование следует ограничивать от случаев фонетической гармонии, ср., с одной стороны, «На Руси не все караси — есть и ерши» (анафония), а с другой — «Худ Роман, коли пуст карман» (фонетическая гармония).

3. Скороговорки («Данила гнилоногий», «На дворе трава, на траве дрова» и под.), обладая предельной звуковой выразительностью, скорее всего не знают анафонических структур, а иллюстрируют собой явление фонетической гармонии.

4. Проблема анафонии и анаграмм в заговорах, думается, еще не решена и требует специальных исследований. То же самое следует сказать об анафонии в былинах.

5. Эволюция анафонии в русской литературе двух последних столетий заключалась в движении:

1) от подчиненности имени с яркой внутренней формой к нацеленности на имя с погашенной этимологией;

2) от сознания интерпретатора – а в качестве первого интерпретатора текста выступает сам автор – к его подсознанию;

3) от более концентрированных форм явления к формам менее концентрированным, менее заметным.

В § 15 «Единичное. Идиостилевые аспекты анафонии» обсуждаются следующие вопросы: Что есть в анафонии такого, благодаря чему ее можно было бы связать с идиостилем? Чем именно анафония в прозе (а также в поэзии) того или иного мастера слова отличается от анафонии другого художника слова? Можно ли вообще говорить об "индивидуальном в анафонии"? – На наш взгляд, именно эти вопросы должны стоять в центре исследовательского внимания, когда лингвист совершает 15-й шаг своей рефлексии над анафонией.

Конечно, можно было бы сформулировать основную проблему названного шага рефлексии вроде попроще: каковы "анафонические портреты" русских писателей? – понимая под этими "портретами" все проявления анафонии у конкретного автора. Но при такой постановке проблемы исследователь в очередной раз окажется перед опасностью неразличения в "анафоническом портрете" явлений всеобщего, общего, конкретно-абстрактного, особенного и единичного характера, т.е. в методологическом отношении окажется перед риском сделать шаг назад. Именно такую ситуацию неразличения общего и единичного мы будем наблюдать, когда заговорим об "обилии аллитераций вообще", например, у Н.В. Гоголя или Б.Л. Пастернака.

Такая ситуация получит место потому, что, утверждая "обилие аллитераций" у одного писателя, мы не увидим такого же обилия аллитераций у другого писателя, что, отмечая особое значение звукописи, в частности, у Пастернака, мы не сопоставим творчества этого автора с другими и, между прочим, забудем о стремлении того же Пастернака "впасть к концу, как в ересь, в неслыханную простоту".

Очевидно следующее:

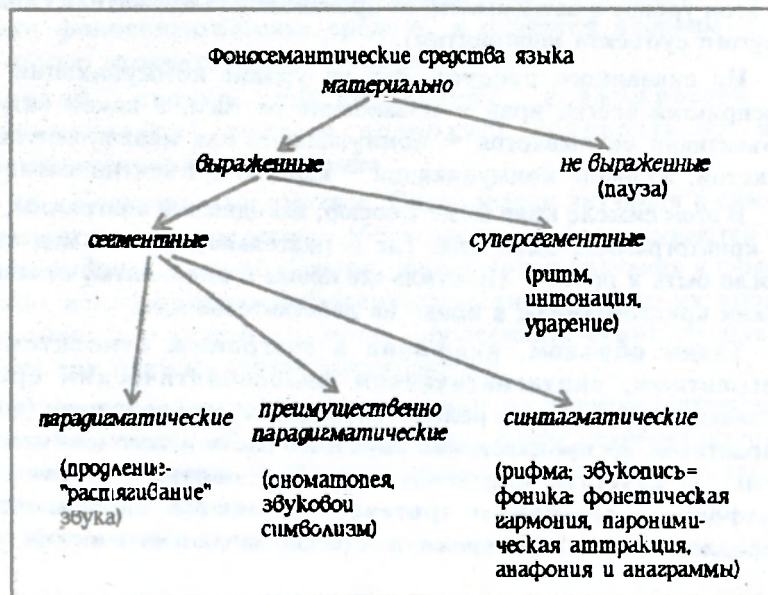
1. Наиболее ярким индивидуальным проявлением анафонии на уровне речевой реальности являются ассоциативные доминанты – абсолютно специфические единицы художественной речи того или иного писателя.

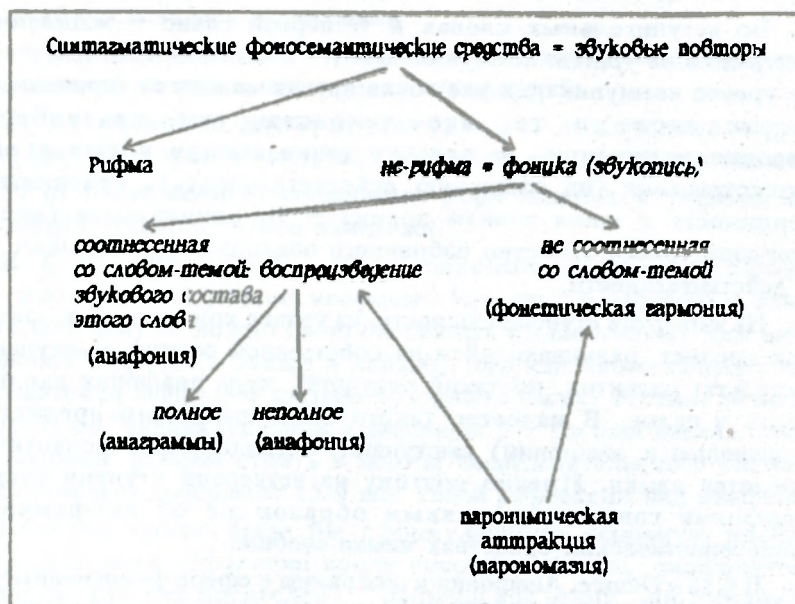
2. Необходимым представляется составление и сопоставление анафонических "портретов", что позволит уточнить на уровне речевой реальности идиостилевые характеристики анафонии.

Во вступительных словах к четвертой главе – «Анафония и анаграммы на уровне коммуникации», – в частности, отмечается, что на уровне коммуникации все точки зрения являются "правильными", в том числе и те, что демонстрируют квазиобщение, квазикоммуникацию, – все эти точки зрения имеют право на существование (на языковую действительность). Толерантность, терпимость к иным точкам зрения – принципиальное (вовсе не конъюнктурное) свойство избранного подхода к проявлениям языка в действительности.

На четвертой ступени сущности, на уровне коммуникации, анафония как предмет, развивающийся на собственной основе, выступает как результат развития, но такой результат, куда анафония входит как часть в целое. В качестве такого более развитого предмета (по отношению к анафонии) выступают, очевидно, фоносемантические средства языка. Именно поэтому на четвертой ступени сущности анафонии говорится главным образом не об анафонии, а о фоносемантических средствах языка вообще.

В § 16 «Общее. Анафония и анаграммы в сфере фоносемантических средств. Соотношение имплицитного и эксплицитного в анаграммах» логическая соотнесенность понятий, обозначающих различные виды фоносемантических средств, представлена двумя схемами (к сожалению, ограниченность рамок принятого жанра не позволяет ни дать соответствующих дефиниций, ни представить соответствующих примеров):

Что касается соотношения имплицитного (подразумеваемого, невыраженного) и эксплицитного в анаграммах (имеющего материальное выражение), то этот вопрос особых трудностей не представляет. На уровне коммуникации данная проблема вообще не является проблемой: вопрос о наличии-отсутствии анаграммы решается на этом уровне в зависимости от произвола исследователя (или любого другого субъекта восприятия).

Из сказанного следует, что на уровне коммуникации субъект восприятия всегда прав — независимо от того, в какой ситуации он объективно оказывается — коммуникации или квазикоммуникации с текстом. Уровень коммуникации — царство субъективности.

В этом смысле прав Ф. де Соссюр, находивший анаграммы, а точнее — криптограммы, даже там, где о тщательной работе над стилем не могло быть и речи. — Но столь же правы и оппоненты, отказывавшие таким криптограммам в праве на действительность.

Таким образом, анафония и анаграммы относятся нами к сегментным, синтагматическим фоносемантическим средствам, отличаясь друг от друга полным (анаграммы) или неполным (анафония) характером воспроизведения звукового состава того или иного слова-темы. В качестве синтагматических фоносемантических средств анафония и анаграммы противопоставляются парадигматическим (продление звука) или преимущественно парадигматическим средствам

(ономатопея, звуковой символизм). Внутри синтагматических фоносемантических средств анафония и анаграммы противопоставляются фонетической гармонии (звукописи, не соотношенной со словом-темой), а вместе с ней – рифме как канонизированному звуковому повтору, имеющему не только фонетическое, но и ритмическое значение.

Проблема имплицитного и эксплицитного в криптограммах на уровне коммуникации решается в зависимости от воли субъекта восприятия. Многое зависит от порогов восприятия у субъектов: если порог восприятия звуков у субъекта восприятия ниже среднего, то вероятность экспликации криптограмм повышается, если же порог восприятия относительно высок, то криптограммы и факты звукописи остаются имплицитными.

Тот факт, что на уровне коммуникации господствует воля (установки) субъекта восприятия, – позволяет утверждать логическую правомерность любого криптограмматического факта (главное – чтобы он был отмечен) – а вопрос об объективности выделения данной криптограммы приобретает на уровне коммуникации явно второстепенное значение.

Основной проблемой семнадцатого шага рефлексии над анафонией (§ 17 «*Особенное. Семантика и прагматика фоносемантических средств*») является соотношение семантики и прагматики в фоносемантических средствах на уровне коммуникации.

Конкретные наблюдения над фоносемантическими средствами парадигматического характера (а именно – продлениями звуков) подтвердили, с одной стороны, расплывчатость и неопределенность семантики фоносемантических средств, а с другой стороны – их чрезвычайную прагматическую насыщенность.

Широкий спектр прагматических возможностей у фоносемантических средств позволяет толковать их как фонопрагматические средства языка.

В § 18 «*Конкретно-абстрактное. Параллелизм звучания и смысла в фоносемантических средствах*» обсуждаются и обосновываются (на материале рифмы), с одной стороны, параллелизм звучания и смысла как закон использования фоносемантических средств на уровне коммуникации, а с другой – влияние фоносемантических средств на понимание как одну из сторон коммуникации.

В центре исследовательского внимания на девятнадцатом шаге рефлексии над анафонией (§ 19 «*Всеобщее. Социо- и национальнокультурные факторы использования фоносемантических средств*») оказываются две проблемы:

1) Какова роль общественных условий в использовании фоносемантических средств языка на уровне коммуникации?

2) В чем проявляются национально-культурные факторы использования фоносемантических средств в коммуникации?

Очень неприятно в этом сознаваться, но для автора настоящей работы эти проблемы оказались наиболее сложными.

Общественные условия, безусловно, влияют и на исследования фоносемантических средств, и на их использование в обществе (особенно заметно влияние социальных изменений — в рекламе и газетных заголовках).

Что касается нациокультурных факторов использования фоносемантических средств, то этот вопрос для нас остался во многом открытым. С уверенностью можно утверждать очень немногое: во-первых, это феномен повышенной "пропитанности" коммуникации на русском языке влияниями сферы бессознательного, а во-вторых, это следующий отсюда вывод, что материал русского языка (поскольку фоносемантические средства преимущественно связаны со сферой не сознания, а бессознательного психического) предоставляет для фоносемантических исследований самые богатые возможности.

Завершая путь восхождения от абстрактного к конкретному, на двадцатом шаге рефлексии (§ 20 «Единичное, или Политическое завещание М.Горького») лингвист должен увидеть, усмотреть на уровне коммуникации нечто уникально-неповторимое в использовании исследуемых языковых единиц. На этом шаге рефлексии лингвист выходит на рубеж двух сознаний, на рубеж двух субъектов и в этом единичном, уникальном по своей неповторимости использовании данных языковых средств распознает их подлинную сущность.

В качестве единичного в фоносемантических средствах на уровне коммуникации могут выступить:

1) идиостилевые характеристики фоносемантических средств;

2) восприятие фоносемантических средств читателем настоящей работы;

3) любое фоносемантическое средство, актуализованное в конкретном коммуникативном акте воспринимающим (а ранее — говорящим или пишущим) субъектом.

Примером третьего варианта "воплощения" единичного послужило послание М.Горького потомкам-россиянам, расшифрованное автором настоящей работы.

В Заключении приводится итоговая таблица, обозначаются перспективы изучения анаграмм и анафонии, говорится о том, что вот уже несколько лет в тематику своего спецкурса по теории

	Всёобщее (Генетический аспект)	Общее (Логический аспект)	Конкретно-абстрактное (Закон развития)	Особенное (функциональный аспект)	Единичное (аспект языковой личности)
Всёобщее (логич.) Выше (онтол.) Уровень мышления (мышления вообще; мышления языкового и метаязыкового)	1 Психологические и психофизиологические предпосылки анафонии. Становление звуковых ассоциаций.	5 Логическая соотносительность понятий: потребность, деятельность, язык, речь, текст и т.д.	4 Праобраз и его отношение к семантике, образу и звуку; влияние звуковых повторов на мыслительный процесс.	3 Прагматика осознаваемых и неосознаваемых звуковых повторов.	2 Различная допустимость анафонии в языковом и языковедном сознании и подосознании языковых личностей
Общее (логич.) Сущность (онт.) Уровень языка (основной детерминирующий уровень)	6 Языковые предпосылки анафонии: понятие о зоне ассоциативно-звуковых пересечений в языке.	7 Основные термины. Сущность анафонии: связь с парадигмой тематических слов. Анафония и анаграммы.	8 Анафония как процесс и порождение высказывания.	9 Функции анафонии и ее функционирование в функциональных стилях языка.	10 Идиоматические предпосылки использования анафонии в языке художественной литературы.
Особенное (лог.) Нижше (онт.) Уровень речи (речевой реальности, сферы существенных форм явления)	14 Анафония в устном народном творчестве. Генезис анафонии в стихе и в прозе.	11 Установление речевого фона для анаграмм и анафонии. Предпочтительность ориентации на собственные имена.	12 Статистические закономерности анафонии. Ассоциативные доминанты и связь с праобразом.	13 Экспрессивность анафонии в стихе и в прозе.	15 Идиоматические характеристики анафонии.
Единичное (лог.) Действительность (онт.) Уровень коммуникации (мышление, язык и речь в их единстве)	19 Фоносемантические средства в коммуникации: социо- и психокультурные аспекты.	16 Место анафонии в сфере фоносемантических средств. Имплицированное эксплицитное в анаграммах.	18 Параллелизм смысла и звучания – закон использования фоносемантических средств.	17 Семантика и прагматика фоносемантических средств в коммуникации.	20 Использование фоносемантических средств как характеристика идиостилия.

коммуникации мы включаем такие темы, как "Человек в субстратной методологии", "Современный русский язык в четырех ступенях его сущности", "Русский мат в системном осмыслении" и др. — то есть используем предлагаемый вниманию читателя метод *практически*.

И, наконец, последний момент. Фонетика (анафония и анаграммы — явления синтагматической фонетики) вот уже в течение двух веков является опытным полем языкознания. "Новые идеи, — пишет М.В.Панов, — испытывают на фонетическом материале, на звуках языка, а потом переносят на грамматику, лексику и смотрят, как там получится... Изменения во взглядах на язык нередко начинаются с фонетики" (М.В.Панов 1979: 4). И может оказаться — имеется особый смысл в том, что первый опыт использования предлагаемого нами общенаучного лингвистического метода выполнен на фонетическом материале.

Основные научные идеи соискателя отражены в следующих печатных работах:

Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. — М.; Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. 378 с.

О звуковых повторах в русской поэзии // Вопросы стиля и жанра в русской и советской литературе / Отв. ред. проф. И.П.Щеблыкнн. Рязань, 1979. С. 86-97.

Собственные имена в поэтической речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М.: МГПИ, 1981. 14 с.

Влияние звуковых повторов стиха на семантику собственных имен // Поэтика и стиховедение. Рязань, 1984. С. 77-86.

О фонетической мотивированности собственных имен в стихотворной речи // Вопросы стилистики: Стилистические средства русского языка. Выв. 19. Саратов, 1984. С. 122-132.

Звуковая организация русской речи в восприятии русской и нерусской аудитории // Русский язык как средство интернационального воспитания учащейся молодежи: Тезисы докладов Всесоюзной межвузовской научно-методической конференции (15-17 октября 1985 г.). Орджоникидзе, 1985. С. 210-211.

Изучение факторов и средств текстообразования в практикуме "Лингвистический анализ текста" // Проблемы изучения русского языка в педвузе: Межвузовский сб. науч. трудов. Тула, 1987. С. 114-120.

Восприятие звуковой организации речи в русской и тюркоязычной аудитории // Двужычие и контрастивная грамматика: Межвузовский сборник научных трудов. Чебоксары, 1987. С. 96-100.

О парадигмах тематических слов в стихотворных текстах // Типы языковых парадигм: Тезисы докладов и сообщений конференции кафедр русского языка вузов Урала (2—5 февраля 1988 г.). Свердловск, 1987. С. 153-154.

Использование вычислительных средств как способ повышения эффективности преподавания лингвистических дисциплин // Пути совершенствования профессиональной подготовки специалиста в высшей школе: Материалы респ. научно-практической конф., проведенной в гор. Пензе. Пенза, 1988. С. 107-113.

Строфико-синтаксические свойства ключевых элементов стихотворного текста в плане его интерпретации // Прагматический аспект грамматической структуры текста: (тезисы выступлений на совещании). М., 1988. С. 54-56.

Коммуникативно-прагматические свойства звуковых удвоений // Новейшие направления лингвистики: Тезисы Всесоюзной школы-конференции (Звенигород, 14—18 апреля 1989 г.). М., 1989. С. 150.

Анаграммы как фоносемантическое средство: перспективы изучения // Проблемы фоносемантики: (тезисы выступлений на совещании). М., 1989. С. 89-91.

Этнопсихолингвистические характеристики восприятия детьми родного и второго языка // Развитие речи детей и обучение языкам: (тезисы выступлений на научном совещании). М., 1989. С. 97-98.

Ассоциаты в прозаическом тексте: соотношение сознательного и бессознательного психического // Художественный текст: Проблемы изучения. Тезисы выступлений на совещании. М., 1990. С. 59-60.

Парадигматический и синтагматический аспекты фоносемантических средств языка // Фоносемантические исследования: Межвузовский сб. науч. трудов. Вып. 1. Пенза, 1990. С. 51-69.

Факторы восприятия и порождения звуковой организации речи // Структуры языкового сознания. М.: Наука, 1990. С. 259-268.

Анаграммы и исследования "звукообразов" в России // Текст и его изучение в вузе и в школе. М., 1991. С. 98-110.

Ассоциативные доминанты в интерпретации текста: (на материале романа Л.Н.Толстого "Воскресение") // Текст и его изучение в вузе и в школе. М., 1991. С. 110-126.

Анаграммы Ф. де Соссюра: языковое сознание, языковое подсознание и языковая личность // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание: Тезисы докладов X Всесоюзного

симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 3-6 июня 1991 г. М., 1991. С. 244-246.

Основания и основы текста в системном исследовании // Теория текста: Тезисы докладов и сообщений научной конференции (21-23 мая 1992 г.). Екатеринбург, 1992. С. 19-20.

Системный анализ как одна из тенденций развития лингвистики // Новые тенденции в лингвистике и методике преподавания иностранных языков: Тезисы докладов. Пермь, 1992. С. 56-57.

Современный русский язык в аспекте субстратного подхода и вопрос о системности вузовского курса // Язык как учебный предмет: Обучение языку и формирование личности школьника. Тезисы конференции. М.: Ин-т нац. проблем образования МО РФ, Ин-т языкознания РАН, 1993. С. 30-32.

Экспрессивность фонетики в четырех ступенях сущности // Выразительность художественного и публицистического текста: Тезисы научной межвузовской конференции. Часть II. Ростов-на-Дону, 1993. С. 21-22.

Язык, сознание, культура, этнос в аспекте субстратного подхода к языку // XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации "Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика": Тезисы докладов, М.: ИЯз РАН, 1994. С. 88-90.

Жан Старобинский о теории анаграмм Ф. де Соссюра (в соавторстве с Е.У.Шадриной) // Фоносемантические исследования: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. проф. С.В.Воропина. Вып. 1. Пенза, 1990. С. 69-86.

Пузырев Александр Владимирович
АНАГРАММЫ КАК ЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКА
Опыт системного осмысления

Д о к л а д

Подписано в печать 27.10.95. Формат 60 x 84 ¹/₁₆
Бумага писчая. Усл.печ.л. 2,25. Усл.изд.л. 2,25.
Тираж 200 экз. Заказ 253.

**Пензенский государственный педагогический университет
имени В.Г.Белинского**

440026 Россия, г.Пенза, ул.Лермонтова, 37
Ротапринт ПГПУ